

пропивает все до тла, пускает семью и себя по миру, делаясь постоянным чужим работником и поденщиком» []. В большой казачьей семье отделяли первым старшего сына, и связано это было с взрослением и готовностью ко вступлению в брак третьего поколения (внуки). Для большой семьи, отделение не несло таких экономических проблем, как в случае с малой, так как она была экономически более крепкая, в связи с наличием как нескольких земельных наделов, так и с количеством рабочих рук. Иногда именно экономическое состояние могло позволить отделить семью: «Было три сына у батька. А у *дида* семь. Четыре дочки и три сына. Батька жил при *диду* долго. Не отделял. Сказал, надо работать, пока лошадь будет, коровка. Помню: «Папа, ну же ж пора!». А он: «Запас надо, хлиба шоб было. Не меньше пятьдесят пудов»». [] В ст.Переправной зафиксировано и отделение сына по жребию — сыновья канались по кочерге, однако такой случай единичный. Так же разделом большой семьи могла стать смерть главы семьи, при этом могло выделиться несколько братских семей с разделов всего имущества. Помимо объективных причин отделения, бытовали и субъективные, например, невозможность совместного проживания и постоянные конфликты между невестками, невесткой и свекровью и др. При отделении отец старался дать сыну все (дом, скот, орудия труда, утварь, семенной фонд) для самостоятельной жизни. Хотя «мог и ничего не выделить из имущества нелюбимому или самовольно отделившемуся сыну, одному давал большую долю, чем другому».

Роль семьи в воспитании казаков.

Деды и прадеды казаков считали, что наилучший возраст для развития человеческих способностей - это раннее детство (до пяти лет), когда интенсивно формируются способности у детей, когда ребенок быстро развивается физически, умственно, нравственно. Воспитывая детей, родители стремились следовать заветам старины, в основе которых лежали вековые идеалы строгой доброты и послушания, взыскательного доверия, совестливой справедливости, нравственного достоинства и прилежания к труду.

Казачья семья и казачье общество являлись основой для формирования подрастающего поколения. Воспитание в казачьих семьях строилось в основном на принципах «Домостроя» (II половина XVIII в.). Глава в семье - самый опытный и старый казак. Слушать его и почитать - первая заповедь.

Гуманное и заботливое отношение к детям - одна из отличительных черт казачьей семьи и общины. В воспитании родители всегда стремились соблюдать дифференцированный подход к детям, создавая условия для самовыражения личности. Старшие стремились научить детей приносить пользу не только семье, но и окружающим. Совместный организованный труд был радостным и приучал ребенка видеть свой вклад в общем деле. Немаловажным в семейном воспитании было стремление старших прививать

детям чувство доброты и благожелательности. Казаки справедливо считали главными богатствами человека доброту и щедрость. Отец и мать, дед и бабушка внушали детям, что быть добрым - значит соблюдать Божьи заповеди: не убий, не укради, не лги, почитай родителей, люби ближнего, как самого себя. Быть добрыми - всегда поступать по совести и защищать справедливость, стремясь к истине.

Родители внушали детям: будьте милосердны, живите своим умом и чужими чувствами. А жить чужими чувствами - значит чувствовать боль рядом живущего, переживать его судьбу, проявлять заботу о нем. Жить только для себя недостойно для казака. Настоящая жизнь тогда, когда живешь для других.

Родители старались привить детям навыки почитания корней родства. Близкое родство почиталось до пятого колена. Уже к шести годам ребенок знал почти всех своих близких родственников проживающих в селе. Посещения родственников в праздники, помощь им в трудностях закрепляли у детей не только родственные узы, но и воспитывали их в требованиях традиций, обычаев, нравов, трудовых навыков и т.д. Родители строго следили за взаимоотношениями молодежи до брака. Верхом неприличия считалось проявление чувств в присутствии старших. В казачьих семьях с малолетства знали, как и чем должны заниматься будущие мужья и жены, поэтому здесь всегда были лад и согласие. Разводов практически не было.

У каждого новорожденного казака или казачки, помимо кровных отца да матери, были крестный отец и крестная мать. О выборе крестных кровные родители заботились заранее. Это не должны были быть родственники (как принято сейчас). Крестного подбирал отец – это должен быть человек надёжный (кунак, односум, побратим и т.п.), у которого было чему поучиться. Это он в первую очередь формировал дух казака. И немаловажный фактор: и крестный отец, и крестная мать должны быть способны участвовать в воспитании ребёнка – жить недалеко от крестника (крестницы). Крестную подыскивала кровная мать из числа своих подруг (желательно хотя бы немного старше её возраста). Если в семье родился казак, то основная нагрузка ложилась на крестного – он делал из казака воина. Главная же задача крестной матери в этом случае состояла в том, чтобы сформировать в казаке отношение к девушке-казачке, как к жене, матери и хозяйке.

Если же родилась казачка, то основную роль выполняла крестная. Она формировала из девочки женщину-казачку, как умеющую ждать жену, терпеливую мать и добрую хозяйку. Крестный в данном случае формировал в казачке отношение к казаку, как к воину-защитнику, как к мужу, отцу и главе семьи.

<http://snic.vfmgutu.ru/index.php/kazachestvo-kak-etnos1/traditsij-vospitaniya>

Традиции. Неписанные казачьи законы.

<http://www.slavakubani.ru/cossack-identity/moral-values/detail.php?ID=1585&page=2>

*Традиции и обычаи казаков собрал председатель Совета стариков
Кубанского казачьего войска Павел Захарович Фролов*

Уважение старшего — один из главных обычаев казаков. Отдавая дань уважения к прожитым годам, перенесенным невзгодам казачьей доли, наступающей немочи и неспособности постоять за себя, казаки всегда помнили слова священного Писания: «Перед лицом седого вставай, почитай лицо старца и бойся Бога своего — Я Господь Бог ваш».

Обычай уважения и почитания старшего по возрасту обязывал младшего, прежде всего, проявлять заботу, сдержанность и готовность к оказанию помощи и требовал соблюдения некоторого этикета (при появлении старика все должны были встать — казаки при форме приложить руку к головному убору, а без формы — снять шапку и поклониться).

В присутствии старшего не разрешалось сидеть, курить, разговаривать (вступать в разговор без его разрешения) и тем более — непристойно выражаться.

Считалось непристойным обгонять старика (старшего по возрасту), требовалось испросить разрешения пройти. При входе куда-либо первым пропускался старший.

Неприличным считалось младшему вступать в разговоры в присутствии старшего.

Старику (старшему) младший обязан уступить дорогу.

Младший должен проявлять терпение и выдержку при любых случаях не прекословить.

Слова старшего являлись для младшего обязательными.

При общих (совместных) мероприятиях и принятии решений обязательно спрашивалось мнение старшего.

При конфликтных ситуациях, спорах, раздорах, драках слово старика (старшего) являлось решающим и требовалось немедленное его исполнение.

Вообще у казаков и особенно кубанцев уважение к старшему являлось внутренней потребностью, на Кубани даже в обращении редко можно услышать «дед», «стары» и прочее, а ласково произносится: «батько», «батьки».

Уважение к старшему прививалось в семье с ранних лет. Дети знали, кто из них в отношении кого старше. Особенно почиталась старшая сестра, которую до седых волос братья и сестры величали няней, нянькой, так как она заменяла им занятую домашней работой мать.

Уважительное отношение к женщине — матери, жене, сестре — обуславливало понятие чести казачки, чести дочери, сестры, жены. По чести и поведению женщины мерилось достоинство мужчины.

В семейном быту взаимоотношения между мужем и женой определялись согласно христианского учения (священного писания).

«Не муж для жены, а жена для мужа», «Да убоится жена мужа», при этом придерживались вековых устоев — мужчина не должен вмешиваться в женские дела, женщина — в мужские. Обязанности были строго регламентированы самой жизнью. Кто и что в семье должен делать — четко разделено. Считалось за позор, если мужчина занимался женскими делами. Строго придерживались правила: никто не имеет права вмешиваться в семейные дела.

Кто бы ни была женщина, к ней надо было относиться уважительно и защищать ее — ибо в женщине будущее твоего народа.

Характерный пример защиты женщины описан в повести казачьего писателя Гария Немченко.

В 1914 году, утром по станице Отрадной проскакал казак с красным флагом, оповещая войну. К вечеру Хоперский полк уже двигался в походной колонне к месту сбора. Вместе с полком, естественно, ехали провожающие — старики и женщины. Одна из женщин управляла лошадьё, запряженной в бричку, и проехала одной стороной колес по помещицъему полю. Один из офицеров, известный на весь полк фамилии Эрдели подъехал к женщине и хлестнул ее за это плетью. Из колонны выехал казак и срубил его.

Такие были казаки, так свято чтити свои обычаи.

Обычай не допускал, чтобы женщина присутствовала на сборе (круге) даже для разрешения вопросов ее личного характера. За нее с ходатайством выступал или представлял прошение или жалобу отец, старший брат, крестный или атаман.

В казачьем обществе женщина пользовалась таким почитанием и уважением, что в наделении ее правами мужчины не было необходимости. Практически в прошлом ведение домашнего хозяйства лежало на матери-казачке. Казак большую часть жизни проводил на службе, в боях, походах, на кордоне и пребывание его в семье, станице было кратковременным. Однако главенствующая роль, как в семье, так и в казачьем обществе принадлежала мужчине, на котором лежала главная обязанность материального обеспечения семьи и поддержания в семье строгого порядка казачьего быта.

Слово хозяина семьи было непререкаемо для всех ее членов и примером в этом являлась жена казака — мать его детей.

Заботу о воспитании подрастающего поколения проявляли не только родители, но все взрослое население хутора, станицы. За непристойное поведение подростка взрослый не только мог сделать замечание, но и запросто «надрать уши», а то и «угостить» легкой оплеухой, сообщить о случившемся родителям, которые незамедлительно «добавят».

Родители удерживались от выяснения своих отношений в присутствии детей. Обращение жены к мужу, в знак почитания его родителей, было только по имени и отчеству, так как отец и мать мужа (свекровь и свекор) для

жены, а мать и отец жены (тесть и теща) для мужа являлись Богоданными родителями.

Женщина-казачка к незнакомому казаку обращалась словом «мужчина». Слово «мужик» у казаков считалось оскорбительным.

Женщина-казачка считала для себя за великий грех и позор появиться на людях (обществе) с непокрытой головой, носить мужской тип одежды и стричь волосы. На людях, как ни странно сегодня покажется, между мужем и женой соблюдалась сдержанность с элементами отчужденности.

Казак к незнакомой женщине-казачке обращался, как правило, к старшей по возрасту «мамаша», к равной — «сестра», к младшей — «дочка» («внучка»). К жене — индивидуально каждый усвоенному с молодых лет: «Надя, Дуся, Оксана» и т.д., к пожилым годам — нередко «мать» а то и по имени-отчеству. В качестве приветствия друг друга казаки слегка приподнимали головной убор и с рукопожатием спрашивали о состоянии здоровья семьи, о положении дел. Казачки кланялись мужчине на его приветствие, а между собой обнимались с поцелуем и беседой.

Среди казачьей детворы, да и среди взрослых, было принято здороваться (приветствовать) даже с незнакомым человеком, появившемся в хуторе или станице.

Дети и младшие по возрасту, казаки как к родным, знакомым и незнакомым обращались, называя «дядя», «тетя», «тетка», «Дядька» и, если знали, называли имя. К пожилому казаку (казачке) обращались: «батьа», «батько», «диду», «баба», «бабуня», «бабушка», добавляя, если знали, имя.

Безмерное уважение к гостю обуславливалось тем, что гость считался посланцем Божьим. Самым дорогим и желанным гостем считался незнакомый из дальних мест, нуждающийся в приюте, отдыхе и опеке. В шуточной казачьей застольной песне-частушке «Ала-верды» наиболее точно выражено почитание гостя: «Нам каждый гость дается Богом, какой бы не был он среды, хотя бы в рубище убогом — ала-верды, ала-верды». Заслуженно подвергался презрению тот, кто не оказывал уважения гостю. Независимо от возраста гостя, ему отводилось лучшее место за трапезой и на отдыхе. Считалось неприличным в течение 3 суток спрашивать гостя, откуда он и какова цель его прибытия. Даже старик уступал место, хотя гость был моложе его. У казаков считалось за правило: куда бы он не ехал по делам, в гости, никогда не брал еды ни для себя, ни для коня. В любом хуторе, станице, поселке у него обязательно был дальний или близкий родственник, кум, сват, деверь или просто сослуживец, а то и просто житель, который встретит его как гостя, накормит и его, и коня. На постоянных дворах казаки останавливались в редких случаях при посещении ярмарок в городах. К чести казаков, этот обычай и в наше время не претерпел особых изменений. В сентябре 1991 года, когда руководство Казахстана во главе с Назарбаевым отказало в приеме казаков в гостиницах, прибывших в город Уральск по случаю празднования 400-летия службы Яицких казаков государству

Российскому, несколько сот казаков были разобраны по казачьим семьям и приняты с присущим казачьим гостеприимством.

В сентябре 1991 года при поездке в Азов на празднование юбилея Азовского сидения группа казаков из 18 человек остановилась на привал у родственников сотника Г.Г. Пелипенко в станице Октябрьской (в прошлом Ново-Михаиловка). Казаки не были отпущены до тех пор, пока не были накормлены наваристым кубанским борщом, домашней снедью под чарку горилки и были предупреждены, чтобы на обратном пути не вздумали не заехать и не рассказать о празднике.

Кубанское казачество: традиционная культура.

Дома не пекут, а в людях не дают.

Самостоятельная жизнь для многих казачьих семей начиналась с вселением в новый дом, при этом их будущее, а точнее здоровье, благополучие и материальный достаток, зависели и от того, насколько были при строительстве жилища выполнены все “дедовские” правила. Именно поэтому фактически до середины XX века многие из обрядов, поверий и норм сохранялись, передаваясь из поколения в поколение.

Доброе начало – половина дела.

Первым делом необходимо было выбрать место и время постройки. Опасными, непригодными для строительства считались места, где в прошлом проходили дороги или располагались перекрестки, где ранее сторел дом. Для того, чтобы определить какими же качествами обладает выбранное место прибегали к гаданиям. Например, на ночь на углах предполагаемого дома оставляли небольшие горстки зерна. На утро, придя на это место, смотрели - если горстки были кем-то разорены, то переходили на другой участок, прибыли здесь не жди. Если зерно оставалось нетронутым, начинали закладку дома. Бытовало и такое гадание. Хозяин устраивался на присмотренном участке на ночлег, а утром прислушивался, если он услышит мычание коров, ржание лошадей, кудахтанье кур - место подходит, “хозяйнувать” тут можно. Нередко на выбранное место приглашали священнослужителя с целью освящения участка земли.

Не менее важным условием при закладке дома является определение положительного времени. Например, самым благоприятным временем считался период полнолуния - “полно и в хате всэ будэ”. Не желательным было начало такого большого дела в понедельник, «тяжелый день». Ну и никогда не начинали строить дом казаки в високосный «Касьянов» год.

Свой уголок – свой простор.

Для участия в строительных работах собирались все родственники, близкие, друзья, соседи семьи. Все считали своим общественным долгом прийти на помощь в этом деле.

Как правило, строительство, после прочтения молитвы, начинали со святого угла, при этом в ходе всех работ этот угол непременно должен был

быть выше всех остальных. Для обеспечения богатой, полной изобилия, счастливой жизни в новом доме, при закладке, в фундамент святого угла клали зерно, деньги, шерсть, перья. Для того, что бы обезопасится от вредоносных сил, закладывали деревянный крестик, уголек из кадила, ладан. В некоторых случаях уже, после того как был выкопан неглубокий фундамент, прибегали к повторной проверке выбранного участка. Для этого в фундамент сыпали зерно, и если через три дня оно не прорастало, то могли начатую стройку забросить. Обращали свое внимание казаки и на ветер. Считалось, что если при возведении стен будет дуть восточный ветер, то это спасет дом от мокрения, а если при установке окон будет дуть суховей, то зимой стекла окон не будут запотевать.

Худая матка – всему дому смятка.

Одним из важнейших моментов при строительстве являлось поднятие матицы/матки - центральной потолочной балки, и это не случайно. Балку выбирали из крепчайших пород дерева - дуб, бук. По примете, если балка в готовом доме треснет то хозяина ждут болезни, и даже смерть. К укладке матицы приступали после обеда, причем до этого никаких строительных работ не проводили. Поднимали ее на полотенцах, цепях, или в рукавицах, так как прикасаться к матице голыми руками запрещалось, это могло привести к бедности хозяев дома. Под матицу еще раз укладывали перья, деньги и шерсть. После установки, строителям на чердак/горище подавали выпивку и закуску, на этом в этот день все работы заканчивались.

Вообще, угощение пришедших на помощь людей проводилось по окончанию всех этапов строительства. Это была символическая плата за труд. Несколько иначе было с “наймыками”, профессиональными строителями. Их благодарили от всей души, так как считалось, что недовольные оплатой или угощением строители могли принести какой-либо вред. Например, после установки матицы, на следующий день строители могли переустановить балку - “тада неудача сопутствует”. Строители могли где-нибудь на крыше оставить пустую бутылку, и тогда при ветре по всему дому распространялся неестественный гул. Это же ожидало и обидчиков печника, который незаметно закладывал в печную трубу перо. Строители могли заложить тухлое яйцо в стену, а под конец всех работ проткнуть его иглой. Поэтому хозяева старались угодить всем, устраивая обильные угощения.

Своя хата – своя и правда

После возведения всего здания, начиналась обмазка стен, потолка. Однако эта работа считалось сугубо женской. Первой начинала этот процесс сама хозяйка, при этом вновь от святого угла, в который еще раз закладывали зерно, шерсть и монеты. Затем к ней присоединялись все пришедшие женщины. Мужчины лишь готовили глинистый раствор и подавали его. После как работа на потолке завершалась, последней спустившейся с чердака подносили выпивку, она говорила благопожелания, а все остальные

участники работ хватали хозяина и под хохот окунали его в остатках глинистого раствора.

Очень важно, что отмечают все старожилы, что во время всех этапов строительства, между пришедшими на помощь, царила атмосфера веселья и радости. Не смотря на тяжелый труд люди шутили и пели, так как знали, что: “обязательно нада веселица, кажут як вэсэлье, и жизнь така будэ”.

По материалам Воронина В.В.

История костюма – это история культуры в самом широком смысле этого слова. Все, что смогло достичь человечество в различных сферах деятельности, нашло свое отражение в одежде. Успехи инженерной мысли сказались в крое и совершенствовании ткачества; развитие химии – в красителях и новых материалах; успехи сельского хозяйства – в освоении всех волокнистых растений, произрастающих на земле. В костюме соединяется все, что известно об искусстве вышивки, плетении кружев, ювелирном деле. Костюм дает представление о культурных и экономических контактах народа, его эстетических идеалах и обычаях. Не случайно мы говорим «язык костюма», ведь одежда обладает многими свойствами языка, сообщая о человеке, который ее носит, самую разнообразную информацию, дающую представление не только о свойствах его характера и привычках.

Когда появилась точно форма у казаков сказать трудно. Форменный костюм кубанских казаков прошел сложный путь своего развития, и на нем больше всего сказало влияние культуры кавказских народов.

За верхней казачьей одеждой — «мундиром» было закреплено название черкеска. **Черкеска** – у кавказских горцев и казаков: узкий длинный кафтан, затянутый в талии, без ворота и с клинообразным вырезом на груди. Черкеска шилась обычно из черного (с 1900 г. — темно-серого) сукна местного производства длиной не короче 7 вершков (около 31 см) от земли. На черкеске на груди по обеим сторонам бортов нашивались напатронники (газы) из 10 (позднее 14) гнезд с каждой стороны длиной 5 вершков (около 22 см) из того же сукна с подкладкой из плотной непромокаемой парусины. В напатронниках носились в военное время патроны, а мирное – гильзы белого или желтого цвета. Черкеска застегивалась крючками от нижней части напатронников до пояса. Края рукавов у офицеров и урядников обшивались серебряными галунами кавалерийского или пехотного образца в зависимости от рода службы.

Офицеры носили чешуйчатые серебряные эполеты на красном подбое с золотой начальной буквой названия полка и серебряные погоны с красным подбоем и красными полосками в зависимости от чина, с литой серебряной матовой начальной буквой полка и гладкой пуговицей. У урядников и нижних чинов были погоны красного сукна с черным, позднее – серым подбоем, желтой буквой печатного шрифта и с гладкой пуговицей. Для различия званий использовалась белая тесьма.

Бешмет – у некоторых народов Кавказа: верхняя распашная, обычно стеганая, одежда. Бешмет шился из шерстяной ткани красного цвета (в

пеших полках – черного) длиной до колен с закругленным воротником и застегивался на крючках.

У урядников и офицеров воротники обшивались серебряным галуном, пришитым по нижнему шву воротника углом вверх.

Башлык – кавказский и казачий покров на голову; шьется из тонкого сукна в виде квадратного мешка с двумя открытыми сторонами и с длинными лопастями в открытом углу; название тюркское, означает «головной», «на голове»; первоначальный фасон башлыка без лопастей встречается на изображениях скифских ваз; более поздние остатки его найдены в раннесредневековых погребениях Приазовья; начальник бухарского торгового каравана. Башлык допускался произвольного цвета из сукна местного производства, обшитый черной тесьмой, но многие кубанцы использовали башлык белого азиатского сукна.

Шаровары – широкие казачьи штаны. Их также разрешалось носить произвольного цвета, заправлялись в сапоги или ноговицы.

Шашки и кинжалы полагались черкесские, но со второй половины XIX в. кубанцы начинают заказывать клинки в Зелингене и Златоусте, которые были более эффективны, чем оружие кустарного производства. В 1901 г. император разрешил кубанским казакам выходить на службу с «дедовским» оружием, если оно было годно в боевом отношении.

Форменная одежда, конь, оружие были составными частями казачьей «сирины», то есть — снаряжения за свой счет. Казака «справляли» задолго до того, как он шел служить. Это было связано не только с огромными материальными затратами на амуницию и вооружение, но и с вхождением казака в новый для него мир предметов, окружавший мужчину-воина.

Казачью форму надевали по праздникам и в строю, хотя молодые казаки старались носить ее и в обычные дни, когда все остальные ограничивались шароварами и рубахой.

Рубаха с прямым разрезом ворота, которая шилась почти до колен, с прямыми рукавами и шаровары были основой повседневного мужского костюма. Кубанцы носили рубахи по-украински, заправленными в штаны, или по-русски навывпуск и обязательно подпоясывались узким кавказским ремешком с серебряным набором. У мальчиков до 5 — 7 лет рубаха с поясом была единственной одеждой.

Шаровары шились из двух полотнищ ткани и соединялись вставкой. Носили также русские штаны со вставкой клиньями. Шили их на очкуре (шнурке), так как застежки из пуговиц и крючков были неудобны при джигитовке. Праздничной обувью являлись сапоги, из которых больше ценились «гамбургские» — шевровые. Рабочей обувью служили башмаки из грубой сыромятной кожи с пришивной подошвой, которые называли ходоками или черевиками. Эту обувь обычно надевали на шерстяные носки, в которые казаки заправляли шаровары. Голову летом казаки покрывали войлочной шляпой горского типа или плетеными из соломы «брылями». В начале XX в. головным убором казаков стали шапки-кубанки с красным,

синим и малиновым верхом. Зимой верхней одеждой служили кожухи – шубы с запахом и короткие – полушубки.

Вообще под словом форма мы понимаем – внешний вид, одежду, установленную для лиц, служащих в армии, в гражданских учреждениях, и т. п. В Русской армии Казаки всегда служили со своим собственным обмундированием, которое вначале не отличалось от национального костюма, принятого в их частном быту.

Форма Кубанского казачьего войска состояла из черкески, бешмета, брюк. Она предназначалась как для ведения боя, так и повседневной носки.

История костюма – это история культуры в самом широком смысле этого слова. Все, чего смогло достичь человечество в различных сферах деятельности, нашло свое отражение в одежде. Не случайно мы говорим «язык костюма», ведь одежда обладает многими свойствами языка, сообщая о человеке, который ее носит, самую разнообразную информацию, дающую представление не только о свойствах его характера и привычках, но и где и как он живёт.

По материалам Правления ККВ

Занятия кубанских казаков.

Одним из важнейших факторов, влияющих на специфику той или иной культурной традиции и ведущих к образованию внутри системы субкультур, являются основные занятия. Виды деятельности в среде кубанского казачества на протяжении XVIII–XIX веков пополнялись и усложнялись, что не могло не влиять на состав и особенности его культуры. На протяжении всей истории основным занятием кубанского казачества, как и других казачьих сообществ, являлось военное ремесло. Военная служба как сугубо мужское занятие способствовала выработке особых форм культуры, ярко выраженной мужской субкультуры.

Вообще культура кубанского казачества, впрочем, как и любого другого, состояла из двух взаимосвязанных, пересекающихся, но вместе с тем самостоятельных по своей специфике миров: воинского (мужского) и гражданского (смешанного: женско-мужского).

Воинская, мужская субкультура включала в себя часть пространства (места проведения рад, кругов, сборов, войсковые храмы, места несения службы и т.д), куда доступ женщинам и неказакам был воспрещён или существенно ограничен. Для неё характерно своё время; в том числе ритуально-обрядовое, несение службы, сборы, проведение войсковых праздников и обрядов и т.п.

Наличие своей системы управления и социальной организации – это тоже характерный признак воинского мира. Причём речь идёт не только о Кубанском казачьем войске и его официальных структурах (сотни, полки и т.п.), но и о неформальных объединениях: артелях, казачьих братствах, каждое из которых имело своего святого покровителя, и т.п.

В мужской среде формировались и культивировались особые знания и навыки, связанные с военным ремеслом и сопутствующими ему занятиями (кузнечное и оружейное дело, коневодство, географические, астрономические, биологические, медицинские и другие рациональные и иррациональные/магические знания). Например, молитвы и заговоры от пули и сабли, от обпоя горячего коня, на остановку крови и заживление ран и т.д.

Элементы казачьей воинской культуры начинали прививаться в процессе социализации с детства, в т.ч. и через участие детей в скачках, джигитовках, учебных военных манёврах под руководством опытных казаков.

В кубанской казачьей мужской субкультуре представлены практически все её основные блоки и компоненты: материальная культура (в т.ч. костюм), соционормативная и духовная культура: воинские праздники и обряды, песенный и танцевальный фольклор, формы досуга, особенности в верованиях, системе ценностей и языке [14].

Однако в связи с переводом казаков на самообеспечение, налаживанием семейной жизни традиционные казачьи занятия (военная служба, рыболовство, скотоводство, некоторые виды ремёсел) пополнились земледелием. Формирование «гражданского мира», который постоянно ощущал влияние воинского и который, безусловно, занимал подчинённое положение по отношению к нему, создавало условия для развития новых сегментов в культуре кубанского казачества. В ходе этих процессов и под действием вышерассмотренных факторов примерно в середине XIX в. культура кубанского казачества выступает как функционально целостная система. Её основу в рассматриваемый период составляли вера, ритуально-обрядовые формы культуры и знания.

Н.И. Бондарь

Народные промыслы и ремесла есть важная часть традиционной народной культуры. Казаки всегда славились своими мастерами, одаренными людьми. В искусстве торговли и ремесел казаки не уступали знаменитым купцам и промышленникам. При изготовлении любой вещи народный мастер думал о ее практическом назначении, но не забывал и о красоте. Из простых материалов - дерева, металла, камня, глины - создавались истинные произведения искусства.

В каждой кубанской семье имелась необходимая глиняная посуда: макитры, махотки, миски, плошки и т.д. Среди казаков были мастера которые даже не просто умели владеть гончарным производством, но даже доводили свое мастерство до искусства и даже ставили личное клеймо на изделия, особое место занимало изготовление кувшина. Если кувшин, сохраняет воду прохладной даже в сильную жару, значит мастер вложил частичку души в нее.

Кузнечным делом на Кубани занимались издревле. Многие могли подковать своих коней, отладить брочки, починить и настроить оружие и, прежде всего, всякую домашнюю утварь, считалось таким же естественным, как возделывать землю. В каждой станице были и профессиональные

кузнецы, в старину считалось, что они ведаются с нечистой силой и поэтому им открыта тайна мастерства, да как не странно, но часто кузнецы были ведунами и лекарями, поэтому их и боялись и всегда обращались за помощью. Но как всегда хорошее дело у казаков пробивается наверх. К концу XIX века образовались центры кузнечного дела. В станице Старощербиновской, например, кузнецы изготавливали плуги, веялки и бороны. Они пользовались большим спросом в Ставрополье и в Донской области. В станице Имеретинской тоже изготавливали сельскохозяйственные орудия труда, а в мелких станичных кузницах ковали, что могли: топоры, подковы, вилы, лопаты. Заслуживает упоминания и мастерство художественнойковки. На Кубани она так и называлась - «ковань». Это тонкая и высокохудожественная обработка металла применялась при ковке решеток, козырьков, оград, ворот, для украшения ковали цветы, листья, фигурки зверей. Шедевры кузнечного ремесла того времени встречаются на зданиях XIX - начала XX века в станицах и городах Кубани. Говоря о народных промыслах и ремеслах казаков нельзя не упомянуть ткачество. Уже с 7-9 лет в казачьей семье девочки приучались к ткачеству, прядению. До совершеннолетия они успевали приготовить для себя приданое из нескольких десятков метров полотна: рушники, настольник, рубахи. Часто бывало, что натканного в девичестве полотна хватало потом на шитье всей немалой семьи и на долгие годы – до старости. Сырьем для ткацкого ремесла служили в основном конопля и овечья шерсть. Неумение ткать считалось большим недостатком у женщин, такую в жены казаки не брали. Поэтому ткацкие станки, прялки, гребни для изготовления нитей, буки - бочки для отбеливания холста были в каждой казачьей хате. Позже с развитием промыслов в ряде станиц холст ткали не только для своих семей, но и специально для продажи.

Казаки умели мастерить домашнюю утварь ажурного плетения, плели из камыша, тальника, тростника колыбели, столы и стулья, корзины, лукошки, дворовые ограды - плетень. В станице Марьянской этот промысел сохранялся до сих пор. На рынках Краснодара можно увидеть изделия на любой вкус хлебницы, этажерки, мебельные гарнитуры, декоративные настенные панно. А какие бондари были на Кубани, дубовые бочки потом разъезжались по всей России!

Основу творчества кубанского казачества составляли, традиционные ремесла, одно из них было гончарное ремесло.

Гончарное ремесло на Кубани было распространено в местах, где имелась глина, пригодная для изготовления керамики. В основном, выделялась простая посуда, незатейливые игрушки для детей, часто гончарное производство соединялось с выделкой кирпича. На Кубани гончары пользовались большим почетом и уважением, о них слагались песни, сказки, пословицы. Формы кубанской керамики просты, орнамент яркий, растительный. Необходимые в быту кувшины – «глэчики», корчаги

для теста, «макитры», миски, ситечки, кружки, рукомойники покрывались коричневой или темно-зеленой глазурью – «поливой».

Д.п.н. Мальцева Л.В.

Кубанский государственный университет